

Азербайджанский государственный
Университет им. С. М. Кирова

Проф. Яблоко В. И.

148

610

И. Ф. АННЕНСКИЙ

(к тридцатилетию со дня смерти)

издание Наркомпроса Азербайджанской ССР
БАКУ—1940

Редактор проф. **Багрий**
Техред. и отв. за выпуск **Гулиев С.**

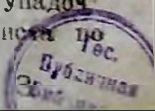
Проф. Б. П. Яблоко

И. Ф. АННЕНСКИЙ

(1856—1909)

(К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ).

30-го ноября 1939 года исполнилось тридцать лет со дня смерти Инокентия Федоровича Анненского. В истории русской общественности это имя заняло небольшое, но довольно прочное место и, по странной провинции судьбы, как раз в той области, в которой деятельность Анненского была случайна, мало значительна и мало интересна. Русский читатель, преимущественно интеллигент, помнит Анненского, как изысканного поэта своей «больной души», «певца своей печали», а русская критика — как глубокий антиобщественного индивидуалиста, упадочника по настроениям, импрессиониста по

стало в расфигурованного неизвестности по
своему «мироощущению», словом, помнит
только как поэта-вырожденца.

Но Аппенский был не только поэт: его
оригинальное творчество (в области лирики
и отчасти драмы) было лишь эпизодом в его
многогранной писательской деятельности,
и если его поэтические опыты, появившиеся
в печати всего за 6 лет до его смерти, при-
ковали к себе на время общественное вни-
мание, то причина этого лежала в созвучно-
сти мотивов его болевой лирики унаследован-
ным настроениям дореволюционной интелли-
генции. Настоящая же его деятельность
большого общественного значения сложилась
из блестящих критических исследований
родной литературы, талантливейших перево-
дов иностранных поэтов, научных рецензий
и педагогических статей. В каждый из этих
видов литературной работы Аппенский вносил
много значительного и ценного, и написан-
ное им в огромной своей части заслужи-
вает того, чтобы на нем остановить вни-
мание. Но и в настоящей заметке не ставлю
себе задачи подвергнуть критической оцен-
ке его многочисленные статьи по различ-

мым вопросам. Я хочу только напомнить лишь о некоторых его работах: я имею в виду его статьи о греческом театре и его перевод Эврипида.

1.

Основной чертой творческой личности Ашпенского являлось его неизбывное тяготение к древнему миру. Неуклонный интерес к греческому искусству вообще, и к греческой поэзии в частности, наложил неизгладимый отпечаток на все его литературные труды и определил главное направление его научной деятельности.

По своему образованию и по роду научных занятий Ашпенский был филолог и специальною своею позднее избрал классическую филологию.

Из его научных статей, посвященных вопросам классической филологии, бесспорно, лучшей является статья «Античная трагедия», предпосланная первому тому переводов Эврипида. *

„Театр Эврипида“. Полный стихотворный перевод греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем, СПб. 1906.

Не останавливаясь долго над темным и трудным вопросом о происхождении греческой драмы и упомянув только вскользь об изначальной обрядовой и действенной поэзии фракийцев и пелопоннесцев в связи с культом Диониса и Адраста, Анненский прямо переходит к анализу трагедий и здесь дает бесподобную по ясности и выпуклости сравнительную характеристику творчества трех корифеев греческой драмы.

Эсхил — Софокл — Эврипид — вот три последовательных этапа в развитии трагического пафоса, три ярких поэтических светила, проекцией которых служит вся последующая европейская драма вплоть до наших дней, — и Анненский в свойственном ему слегка восторженном, слегка туманном, но неизменно изящном и увлекательном стиле смело разворачивает перед читателем всю сложную художественную эволюцию в изображении характеров трагических героев от тени Дария в «Персах» Эсхила до Софокловой Антигоны и Эврипидовской Андромахи.

В том, как мастерски сопоставляет он характеры героев в порядке возрастания их психологической сложности, в том, как уме-

ло раскрывает перед читателем постепенный переход от отвлеченного идеализма неподвижных Эсхиловых героев — носителей чистых идей, к абсолютной гармоничности и этичности действенных образов Софокла, а отсюда к многотонности и многогранности жизненных и глубоко реальных характеров Эврипида — во всем этом сказалась его блестящая способность к художественным обобщениям, его постоянная склонность подводить итоги в круглых цифрах.

Весьма своеобразно оценивает И. Анненский воспитательное значение трагедии эллинской жизни. Греческий театр рассматривается им как университет античного мира *Sui generis*, где драма явится как бы рассадником высших этических интересов. «Драма стала символом высшего образования древних, когда Гомер сделался учебником школьников». («Ант. траг.», стр. 38).

В ходе развития этического воздействия трагедии, корни которого лежали в условиях времени и среды, Анненский различает два крайних по времени момента: **этико-богословский** или эсхилловский, совпадающий с живой верой современников в личных богов

Хор, на которого родилась античная драма и который поглощает у Эсхила действие, являясь ядром трагедии — этот хор у Софокла становится нейтральной частью драмы, у Эврипида теряет окончательно свое действительное значение и у Агафона сходит безвозвратно на роль простой музыкальной интермедии.

Трудно согласиться с таким утверждением. Можно ли назвать нейтральной частью драмы хор хотя бы в «Царе Эдипе» и в «Трахинянках» (которым традиция даже приписала название по хору)? Можно ли считать его лишённым драматического движения? Здесь перед нами обычная для Аэннезского смелость обобщения, где детали умышленно затерты в интересах стройности целого; здесь такой же рискованный вывод как немного раньше сделанное определение задачи будущей после Эврипида поэзии, как «художественного синтеза двух пафосов: холодного, мистического ужаса Эсхила и дающего, жгучего пафоса Эврипида» («Ант. траг.», стр. 27).

Понистине блестяще характеризует Аэннезский развитие языка и стиля трагедии. Е-

ли у Эсхила диалог носит печать идеально-го величия, а монологи проникнуты «мрачным пылом», если речи героев Софокла исполнены спокойного достоинства и сдержанной страсти и так непохожи на речи жителей будней, то стиль Эврипида, составляющий «один из главных источников долгого, может быть вечного обаяния его поэзии», * велик именно своей близостью к повседневной жизни. Герои Эврипида говорили обыденными словами, но слова эти очаровывали афинян, и тайна очарования их лежала в том богатстве оттенков и в той тонкости в разграничениях, которых не могла дать действительно обыденная речь. Анненский делает меткое сравнение между языком Эсхила и Эврипида, сводя различие между первым и вторым к различию между «Анчаром» Пушкина и «Валориком» Лермонтова.

Любопытна в данной статье твердая уверенность Иннокентия Федоровича в возможности поднять современную ему драматическую поэзию путем внесения в нее оставшихся неиспользованными элементов античной трагедии. Он ждет воз-

* Стр. 40.

рождения новой драмы в форме свободной художественной разработки сохранившихся мифов. Данные фрагменты представляются ему богатым материалом для новой творческой работы в области драмы.

II.

Главную славу Анненскому в среде специалистов филологов и в широкой читательской массе создал монументальный его труд — перевод всех 19 дошедших до нас трагедий Эврипида. Этим переводам покойный отдал все свои поэтические силы и все научные знания. Эти же переводы составляют и крупнейший вклад его в родную литературу и ставят его имя наряду не только с лучшими русскими переводчиками иностранных поэтов, но отводят ему известное место в среде самих русских поэтов.

Правда, не все трагедии переведены с одинаковым подъемом и тщательностью, так как внезапная смерть помешала Анненскому прокорректировать до конца свой труд; но и в настоящем своем виде, особенно, если принять все филологические поправки, сделанные опытной рукой Ф. Ф. Зелинского в

последнем их издании. * они представляют поэтическую ценность настолько высокую, что их первое появление на книжном рынке в свое время должно было считаться выдающимся событием в литературной жизни последних десятилетий — событием, не уступающим по своему значению выходу в свет Илиады в переводе Гнедича.

Почему Анненский из всех поэтов Эллады избрал Эврипида? Конечно, не потому только, что Эврипид сохранился сравнительно лучше других, и не потому, что до сих пор мы не имели полного хорошего перевода всех его трагедий. Косвенный ответ на этот вопрос мы находим в его замечательной статье «Трагическая Медея», приложенной к трагедии того же имени. «Я люблю в Эврипиде — говорит он — небрежность и причуды, в которых так часто блещет гений». И вот эта причудливость трагических образов Эврипида, их душевная надрыв

* „Театр Эврипида“ пер. с введениями и послесловиями Анненского под ред. и с комментарием Ф. Ф. Зелинского, М. Изд. Сабашниковых, Том I. 1916. Том II 1917.

ность, их нервная порывистая страстность и в то же время их безыскусственность, их понятность, их близость к реальной жизни, резко отличающая их и от абстрактных богов Эсхила и от гармонических полубогов Софокла, не могли не привлечь Анненского. Герои Эврипида были просто близки его поэтическому восприятию жизни, потому что он принадлежал к числу тех исследователей античной старины, которые все ее явления и факты воспринимают в обстановке собственной современности, а трудно было бы мыслить героев Эсхила и Софокла перенесенными в условия нашей жизни.

Анненскому важны были доступные нашему восприятию и совпадающие с нашими представлениями художественные детали; последние же ближе нам и понятнее у Эврипида, чем у его предшественников.

7 Кроме художественного реализма, Анненского привлекала в Эврипиде еще и другая творческая особенность — абсолютный трагический пафос — тот пафос, который у Эсхила и Софокла составлял лишь один из художественных элементов драмы, но у Эв-

рипида сделана целью и содержанием трагедии. «Трагедии Эврипида, — говорит он в разобранной выше статье о театре, — представляются мне иногда звеньями какой-то одной гигантской драмы человечества; эти звенья созданы гениальным мастером звенья распались, и робкий ученик приделал к ним начала и концы, чтобы дать им обличье самостоятельных трагедий». (Стр. 46).

Вообще, вся поэзия Эврипида в ее целом глубоко очаровывала Анненского еще и потому, что она носит на себе яркий отпечаток индивидуальности поэта, столь, можно сказать, конгеннальной самому переводчику.

Каковы достоинства и недостатки этих переводов?

С текстом переводчик обращается весьма свободно, и в своей заботе о верной передаче лишь общего смысла переводимого места иногда доходит до границы, где вольность перевода своей вербальной отдаленностью от оригинала грозит как раз перейти в изманиение и самого смысла места. Стоит, для примера, сравнить с подлинником несколько

первых появившихся фраз из любой трагедии, чтоб усовеститься в этом. *

Довольно многочисленные погрешности против оригинала, указанные и исправленные Ф. Ф. Зелинским, едва ли могут быть отнесены за счет неверно понятого текста

* Я беру как раз места без разночтений в рукописях. Например, в трагедии «Менестеи» Геракла ст. 36—38 переведены Зелинским так:

А м ф и т р и о н.

Да, человек в несчастии—точно в школе,
и если только какою сострадаешь
и кому выеешь ты, так не желай
ему познать людскую дружбу и горе и т. д.
Близкий прозаический перевод тех же стихов:
«Вот какое самое безошибочное доказательство
Дружбы (даст)

Неудача; последняя же да не постигнет
никогда, ничего, кто

Хоть немного (плезе) расположен ко мне.
Или в той же трагедии ст. 138—140.

Л и к о н.

Амфитрион и ты, жена Геракла!

Как господин, я треую от вас—
и, кажется, я вправе это сделать:

Я треую, чтоб вы сказали мне,
Чего вы ждете здесь? Зачем влачите

У алтаря безрадостную жизнь? и т. д.

Дословный перевод:

Раз мне нужно, я спрашиваю отца и супругу,
так как я состою вашим господином, то
вы должны рассказать то, что я хочу.

До какого времени
собираетесь вы протянуть вашу жизнь? и т. д.

Таких примеров можно было бы привести очень
много.

или недостаточно тщательного критического аппарата.* / Нет сомнения, что в иных местах переводчик сознательно уклонялся от текста, считая «столь же несестественным связывать область творчества с филологическими проблемами, как и стеснять научное исследование поэтической формой» («Античная трагедия», стр. 47). Свободное обращение с оригиналом, переходящее иногда в индивидуальную поэтическую переработку текста, подсказывалось переводчику стремлением к модернизации. Если не считать тех ошибок против подлинника, которые были допущены просто по недосмотру, так как

* Трудно было бы допустить возможность неумышленных ошибок в переводе таких мест, как ст. 1—36 в «Гераклидах».

Перевод Анненского:

«Додумался давно я до сознания.

Что ближние для справедливых только

Одних и существуют...

Дословный перевод:

«Давно уже я решил вот то, что

справедливый муж рожден для ближних.

Такой перевод вызывает просто недоумение, да он и грамматически недопустим.

Можно сослаться еще на ряд других ошибок в том же роде. Ср. ст. 101—105, 852—857 и многие другие.

значительная часть переводов оказалась еще непроверенной и не готовой к изданию в момент смерти переводчика, то, как это видно из сравнения с оригиналами мест, указанных проф. Зелинским *, Анненский умышленно позволял себе иногда переделку текста и изменение его смысла. Делал он это или в видах лучшего приспособления Эврипида к понятиям нашей современности, или же скорее из желания придать переводимому месту большую, по его мнению, яркость и глубину.

В своем стремлении сохранить в переводе те скрытые художественные импульсы подлинника, которые оказались бы способными вызвать в русском читателе те же эмоции, какие трагедия вызывала в современниках Эврипида, Анненский иногда попадал в крайность и далеко переступал за черту возможного сближения со смыслом оригинала, попадая в область рискованной индивидуализации текста и субъективного

* К сожалению, я Аннен в данный момент возможности лично сверить перевод с оригиналом в том его издании, которое переводчик взял в основание своего труда. Анненский пользовался изданиями Вилламовица-Меллендорфа и Марри.

домыслил. Эврипид как бы дважды преломлялся в художественном сознании переводчика: в призмах его собственной поэтической индивидуальности и в призмах подчас сильнейшего модернизирования античности. Может быть, именно этот процесс двойного преломления, в результате которого Анненский, стремясь проникнуться классическим миропониманием, только окрашивал античность в свой индивидуальный цвет, и привел его естественным путем к созданию собственных трагедий, столь близких по стилю и композиции к Эврипидовским.

Судя по немногочисленным выноскам и по объяснительным статьям, которыми снабжены все трагедии, переводчик, несомненно, обдумывал с большой тщательностью сомнительные места в тексте, сличая их с лучшими изданиями Эврипида и даже создавая собственные, порой блестящие конъектуры, свидетельствующие и о прекрасном знании языка и о большой начитанности в греческих авторах. Это обстоятельство только подтверждает высказанную мною выше мысль, что большинство погрешностей против оригинала должно быть отнесено на

счет чисто художественных мотивов переводчика, но никак не на счет слабой критики текста или недостаточного знания языка.

Как и следовало ожидать, больше всего вольностей Анненский допустил при переводе хорических партий, но зато они особенно хороши. Пусть некоторые из них и производят впечатление собственных поэтических опытов переводчика с обработкой под Эврипида, зато здесь тонкое знание греческой метрики, изумительная способность воспроизводить настроение оригинала и в то же время великое умение облечь мысль подлинника в яркую поэтическую форму. *

* Для примера можно было бы привести любую партию хора. Укажем на ст. 121 сл. в трагедии «Ипполита» (хор тренезянок).

Строфа 1:

Холодна и чиста и светла
От волны океана скала;
Там поток, убегая с вершины,
И купает и поит купчины.
Там сверкавшие покровы
Ранним-рано дева мыла,
На хребет скалы суровый.
Что лучами опалило.
Для утех и для багровой,
Расстилая, их сушила:
О царице вестью новой
Нас она остановила и т. д.

Как я уже говорил в начале главы, не все трагедии переведены Анненским с одинаковым достоинством. К числу лучших надо отнести перевод «Медеи», «Иона», «Геракла», «Ипполита» и «Алькестиды».

Некоторые трагедии, в том числе «Гераклиды», оказались переведенными только отдельными частями, и редактор переводов Анненского, Ф. Ф. Зелинский довел их до конца — я не решаюсь сказать, к выгоде ли для славы Анненского или в ущерб ее, — но во всяком случае к выгоде Эврипида и его читателей.

Все мало-мальски заметные промахи, допущенные Анненским как в отношении языка и критики текста, так и в самом толковании бытовых, историко-литературных и философско-религиозных сторон трагедий, тщательно устранены Ф. Ф. Зелинским, и в своем настоящем исправленном издании перевод Эврипида безукоризнен. Все, что смог-

Дословный перевод: Лежит одна скала, точа воду океана, устремляя с крутизны к кувшинам почерпнутую текущую влагу. Там мне встретилась одна дева; полоща пурпурные ткани в речной воде, она расстилала их на хребте горячей, освещенной солнцем скалы. Вот от нее ко мне пришла первая весть и т. д.

да сделать наука для точной передачи формы, слов и мыслей подлинника, и все, что могла сделать поэзия для проникновения в патетическую природу античной трагедии и для воссоздания ее истинных настроений, — сделано усилиями этих двух талантливейших знатоков и поклонников древне-греческой поэзии.

III.

Теперь подведем итог всему сказанному. Итак, что же сделал для классической филологии Анненский? Обогастил ли он литературу об Эврипиде новыми данными и оригинальным толкованием его творчества, интерпретацией темных мест, приемлемой для большинства филологов? Содействовал ли он своей критической обработкой текста лучшему пониманию Эврипида?

На все эти вопросы приходится дать почти отрицательный ответ.

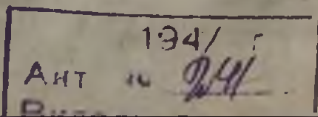
В чисто филологической части своих работ Анненский находился под сильным влиянием Вилламовица-Меллондорфа, и в критике текста почти не проявил самостоятельности, полагаясь на авторитет названного издателя, хотя, несомненно, в деле крити-

ческого аппарата он мог сказать много ценного и нового: для этого у него было вполне достаточное знание языка и античности.

Но Анненский не гонялся за лаврами ученого. Правда, в области историко-литературных исследований, там, где ему приходилось исходить не из данных языка, а из готового обработанного бытового и историко-культурного материала, он и создал ряд в высшей степени ценных, новых обобщений и выводов, составивших содержание его блестящих объяснительных к трагедиям статей. Но в чистую филологию он почти ничего не внес нового.

Его переводы, после устранения Ф. Ф. Зелинским всех филологических промахов, являются все же весьма ценным литературным сокровищем, в котором русский читатель узнает Эврипида и притом в действительно поэтическом переводе.

ЛМ 833

Сдано в производство - 21/X-40 г.
Разрешено к печати—17/XII-40 г.
Количество печатн. знаков—29928
Количество печатн. листов— $\frac{3}{4}$
Колич. учетно-изд. листов—0,75

ФГ 6518. Ст. 364 А-В. Тип. „III Интернационал“
Баку ул. Саратовца Ефимова, 29.
Заказ № 3346 Тираж 300.